

ОРГАНИЗАЦИЯ ОХРАНЫ, НАДЗОРА, СОБЛЮДЕНИЯ ЗАКОННОСТИ В ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ ОДЕССКОЙ ГУБЕРНИИ УССР В 1923 ГОДУ

Павел ИСАКОВ,

кандидат исторических наук, доцент кафедры пенитенциарной деятельности
Института уголовно-исполнительной службы, полковник внутренней службы

Сергей ПОЛЕВОЙ,

преподаватель кафедры пенитенциарной деятельности
Института уголовно-исполнительной службы,
заслуженный юрист Украины

Summary

It shows the process of the organization of protection, surveillance and state of the rule of law in places of detention and imprisonment in the Odessa province of the USSR in 1923, based on the analysis of numerous archival documents. The article includes earlier unknown important facts about the researched question.

Key words: surveillance, security, legitimacy, escape, disciplinary penalty, person under investigation, convict, transit.

Аннотация

Освещён процесс организации охраны, надзора и состояние соблюдения законности в местах предварительного заключения и лишения свободы в Одесской губернии УССР в 1923 г. на основе анализа многочисленных архивных документов. Приведены ранее неизвестные важные факты по исследованному вопросу.

Ключевые слова: надзор, режим, охрана, законность, побег, дисциплинарное взыскание, подследственный, осуждённый, пересыльный.

Постановка проблемы. Основной любой пенитенциарной системы является охрана, надзор, режим, без правильной организации которых существование пенитенциарных учреждений несвободы просто невозможно, не говоря уже о соблюдении законности и прав человека, обеспечении её безопасности. Сейчас происходит реформирование Государственной уголовно-исполнительной службы Украины и приведение её в соответствие с европейскими стандартами. Изучение богатого отечественного исторического опыта (особенно на региональном уровне, что соответствует европейской традиции) всегда было, есть и будет поучительным для современности – как известно, ничто не ново под Луной.

Цель статьи – исследование реального состояния дел в организации охраны, надзора и соблюдения законности в местах предварительного заключения и лишения свободы в Одесской губернии УССР в 1923 году.

Изложение основного материала. На процесс организации охраны, надзора, соблюдения законности в пенитенциарных учреждениях несвободы в УССР в 1923 г. положительно влияли следующие факторы: относительная стабилизация политической ситуации в стране и укрепление власти большевиков (народ устал от хаоса граждан-

ской войны и в обмен на «новую экономическую политику» (далее – НЭП) принял тоталитарную власть); некоторое оживление экономической жизни благодаря НЭПу и прекращению активной фазы гражданской войны; процессы централизации государственного управления. Отрицательными были следующие факторы: послевоенная разруха и разбалансированность производства; значительное истощение людских, материальных, финансовых ресурсов; голод 1921–1923 гг.; слабый на местах воссозданный административный аппарат; правовой нигилизм и «революционная целесообразность» как главные составляющие ментальности носителей власти; финансирование большевиками исправительно-трудовой системы по остаточному принципу, как следствие – материальная необеспеченность, непрестижность службы, из-за чего высоким был процент непрофессиональных, с низкой моралью и дисциплиной сотрудников. Все сказанное в полной мере относилось и к Одесской губернии.

Приказом начальника Одесского губернского управления Центрального исправительно-трудового отдела Народного комиссариата внутренних дел (далее – ГубУЦИТО НКВД) № 16 от 09.02.1923 г. было запрещено принимать на службу уволенных сотрудников

Народного комиссариата рабоче-крестьянской инспекции (далее – НКРКИ) без соответствующего разрешения руководителей органов НКРКИ при назначении на ответственную руководящую должность или без разрешения биржи труда при назначении на неруководящую должность [1, л. 12]. Другим приказом № 33 от 10.03.1923 г. начальник губернского управления обязал начальников Домов общественно-принудительных работ (далее – ДОПР) всех кандидатов на службу предварительно обследовать у врача ДОПР (появление такого приказа было обусловлено тем, что много сотрудников объясняли свои недостатки в службе плохим состоянием здоровья). На протяжении недели весь персонал необходимо было обследовать на физическую пригодность нести службу и наличие венерических болезней. Подобные факты были нередкими [1, л. 21]. Другой приказ № 35 от 17.03.1923 г. тоже был посвящён проблеме качественной комплектации кадров: «В связи с проникновением в места лишения свободы неблагонадёжных и запятнанных по суду лиц и принимая во внимание особые условия службы в местах лишения свободы, предлагаю всем начальникам подчинённых управлению учреждений самым осторожным образом принимать на службу сотрудников, требуя,

кроме подписки про службу в ДОПР не менее 6 месяцев, ещё поручительство 2 членов компартии или ответственных профсоюзных работников, справки о несудимости с места предвратительной службы и о причинах оставления таковой и тому подобное. За недосмотр ответственность возлагается на начальника ДОПР» [1, л. 24].

В марте месяце ДОПР Одесской губернии получили 2500 патронов и 50 «почти непригодных» винтовок [1, л. 43]. Всего по губернии насчитывалось до 470 лиц администрации надзора, из которых 19 – коммунистов [1, л. 44]. Приказ начальника губернского управления № 61 от 28.04.1923 г. увольнял некоторых младших надзирателей за несоответствие своему назначению и невыполнение ими распоряжений администрации ДОПР. Увольнение происходило одновременно с лишением права поступать на службу в другие исправительно-трудовые учреждения Одесской губернии [1, л. 37]. Кстати, начальник ЦИТО НКВД Люткевич как-то интересовался, почему некоторых сотрудников принимают на службу вскоре после их освобождения и наоборот – вскоре увольняют после зачисления на службу [1, л. 38].

В начале мая в Одесском, Ананьевском, Балтском, Елизаветградском, Николаевском, Первомайском, Тираспольском, Херсонском ДОПР содержалось 3599 лиц, в конце мая – 3845 (из них: подследственных – 2138, осуждённых – 1673, пересыльных – 34). Администрации насчитывалось 49 лиц, надзора – 372. Несмотря на усилия руководства, для персонала не были установлены единые твёрдые тарифные ставки. Это произошло только в июне [1, л. 68]. Начался процесс предоставления 2-недельных отпусков для сотрудников: приказ начальника Одесского губернского управления местами лишения свободы (после реорганизации ГубУЦИТО) (далее – ГубУМЛС) НКВД №14 от 25.05.1923 г. предлагал «всем начальникам подведомственных ГубУМЛС учреждений приступить к предоставлению работникам и служащим предусмотренных законом отпусков. Отпуск есть обязательным, и никаких компенсаций взамен предоставляться не будет. Предоставление отпусков ни в коем случае не должно влиять на правильный ход работы учреждений» [1, л. 64].

В мае были осуществлены побег только с внешних работ ДОПР (12 лиц) [1, л. 98]. В июне всего по губернии на начало и конец месяца насчитывалось 3865–4068 удерживаемых лиц (2146 подследственных, 1826 осуждённых к лишению свободы, 96 пересыльных). Подследственные числились: 195 – за прокуратурой, 341 – следственными органами, 31 – губернскими судами, 431 – народными судами, 145 – революционными трибуналами, остальные – другими органами [1, л. 119]. Из 1826 осуждённых лиц 622 было осуждено за кражу, 127 – должностные преступления, 255 – бандитизм, 93 – контрреволюцию, 729 – другие преступления. По срокам лишения свободы состояние дел было следующим: до 1 г. – 609; от 1 до 5 л. – 1107; больше 5 л. – 110 [1, л. 120]. Вот такой контингент необходимо было охранять, осуществлять надзор. А контингент действительно был непростой. За июль совершило побегов: из мест заключения – 4 мужчины и 1 женщина; из больниц ДОПР – 2 мужчины 1 женщина; с внешних работ – 20 мужчин и 1 женщина [1, л. 171]. В августе было озвучено предложение перенести посты охраны ДОПР из внутренних сторон ограждения на внешние из-за недостаточного количества конвойных команд в уездах [1, л. 212]. В сентябре было совершено 19 побегов: 18 – осуждёнными из Васильевской сельскохозяйственной колонии, 1 – осуждённой женщиной из Одесского ДОПР [1, л. 214].

В декабре 1922 г. в Николаевском ДОПР находилось 287 заключённых лиц (46 – со строгой изоляцией, 80 – без строгой изоляции, 161 – подследственных). ДОПР нуждался в 6 внешних постах, а в наличии было только 3 [1, л. 7]. Согласно приказу начальника Одесского ГубУМЛС № 45 от 03.04.1923 г. был отдан под суд младший надзиратель Николаевского ДОПР Пеп Леонид за попытку пронести письма осуждённых. Старший надзиратель Усайков А. за появление на улице в нетрезвом виде и дискредитацию сотрудников ДОПР, неявку на службу был уволен со службы. За несвоевременное предоставление отчётов, невнимательное исполнение указаний виновные должностные лица быстро получали «выговоры», «суровые выговоры» [1, л. 33] в духе административно-командной системы.

Приказом начальника Одесского ГубУЦИТО №4 от 13.01.1923 г. начальник Елизаветградского ДОПР Мартынов был снят с обеспечения в связи с привлечением к суду из-за должностных преступлений (был допущен побег 2 подследственных с внешних работ: их нельзя было вообще выводить из ДОПР; к тому же, выводили общим числом, а не по списку, надзиратели при этом отпустили без надзора на квартиру) [1, л. 2]. Из действующего вооружения в Елизаветградском ДОПР было только 2 револьвера и 10 винтовок с 97 патронами. С целью ликвидации некомплекта сотрудников был поднят вопрос перед уездным коммунальным отделом исполкома о выделении персонала огородов. Когда началось выплачиваться своевременно жалование, начал наблюдаться приток сотрудников с биржи труда, что дало возможность повысить требования к качеству несения службы [1, л. 16]. Приказом начальника губернского управления № 36 от 21.03.1923 г. начальнику Елизаветградского ДОПР был объявлен «выговор» за то, что лицо, осуждённое на 10 л. лишения свободы со строгой изоляцией, работало в канцелярии ДОПР. Указывалось, что осуждённые только с короткими терминами лишения свободы (до 5 л.) и нестрогой изоляцией могут привлекаться к такому виду работ. В другом документе говорилось, что дежурный помощник начальника Елизаветградского ДОПР оставил дежурство на 3,5 часа и не присутствовал на вечерней проверке, за что был отдан под арест на 7 суток без исполнения служебных обязанностей [1, л. 28]. В апреле в качестве помощи сотрудникам Елизаветградского ДОПР, которые себе даже одежды не могли купить, вспахали их огороды [1, л. 54]. В июне 2 сотрудникам надзора (1 мужчине и 1 женщине) за недобросовестное исполнение своих служебных обязанностей объявили «строгий выговор» с предупреждением, что при повторении подобного увольят со службы и отдадут под суд [1, л. 93]. Согласно приказу № 1 по ЦИТО НКВД УССР от 20.01.1923 г. за побег 2-х подследственных с внешних работ Елизаветградского ДОПР отстранили с должности и отдали под суд: начальника ДОПР – за то, что дал разрешение выводить подследственных на внешние работы, при

этом такие лица не опрашивались по книгам, а выдавались конвоирам не по фамилии, а общим числом; двоих конвоиров: одного – за незаконное отпущение подследственного на квартиру, другого – оставление на квартире без надзора.

В приказе начальника Одесского ГубУЦИТО № 1 от 20.01.1923 г. отмечалось, что при обследовании Александровского ДОПР было обнаружено следующее: камеры на протяжении дня не закрываются; имеет место свободное общение по камерам женщин и мужчин; начальник ДОПР разрешает вмешиваться в дела ДОПР начальнику гарнизона и другим должностным лицам; не установлено время прогулок для осуждённых [2, л. 6].

Вознесенский ДОПР: в феврале 2/3 содержащихся составляли «бандиты» (данный термин может иметь также идеологическо-политическую окраску, поскольку его применяли по отношению к тем, кто с оружием в руках боролся с большевистским режимом). В ночь с 28 февраля на 1 марта повторно были обстреляны посты ДОПР, который охранялся временно откомандированными с уездного военкомата бывшими дезертирами. Люди в карауле находились по месяцу без смен. 29 марта 21 лицо совершило побег путём разоружения малочисленного караула – 2 караульных и 1 начальника караула [3, л.3 6]. Караул вначале арестовали, а через сутки отпустили снова осуществлять охрану – не было замены. Только 8 беглецов поймали. Военный гарнизон отказывался охранять места заключения. В конце концов, Вознесенский ДОПР вскоре вообще остался без караула [3, л. 43].

В ночь с 16 на 17 января 1923 г. с Балтского ДОПР, который не был даже ограждён, совершило побег 8 человек, осуждённых к высшей мере наказания, и 2 подследственных путём взлома дверей камеры. Государственное Политическое Управление в ходе расследования арестовало надзирателя, 1 осуждённого и бывшего начальника ДОПР [1, л. 21]. Приказом начальника Одесского ГубУЦИТО № 11 от 01.02.1923 г. под суд были отданы дежурный помощник начальника Балтского ДОПР Гойхман и младший надзиратель Козаченко за побег из ДОПР 10 человек. Констатировался факт решения во-

просов руководством Балтского ДОПР через голову начальника губернского управления [1, л. 7]. Состоянием на 30.04.1923 г. в Балтском ДОПР содержалось 196 лиц (из них: 12 женщин; 20 «рецидивистов» мужчин и 1 женщина). Службу несло 13 сотрудников (з них 11 – надзор). Внешняя охрана была очень слабой – взвод 6 Одесского конвойного полка [1, л. 60]. В конце августа из больницы совершил побег осуждённый Балтского ДОПР. Дело в том, что его охраняли не сотрудники, а другой осуждённый [1, л. 89].

Тираспольский ДОПР был рассчитан на содержание 50-60 лиц, а фактически в нём находилось 200. Охрана в марте состояла только из 1 поста, надзор – из 7 лиц [1, л. 34]. Приказом начальника Одесского ГубУМЛС № 40 от 26.03.1923 г. за «добросовестное исполнение обязанностей» сотрудникам Тираспольского ДОПР была объявлена «благодарность» с выделением зерна (собранного самим ДОПР) в размере от 240 кг (начальнику ДОПР) до 48 кг (надзирателю) [1, л. 29].

В Ананьевском ДОПР состоянием на апрель стаж некоторых сотрудников был следующим: начальник ДОПР – 4 г., делопроизводитель – 1 г., старший надзиратель – 2 г., младшая надзирательница – 7 л., младшие надзиратели – 1–2 л. [1, л. 59]. Как видим, большинство персонала было мало- или непостоянным, что неминуемо влияло на качество несения службы.

В конце февраля из Херсонского ДОПР (внешние работы) совершила побег большая партия осуждённых. Это произошло вследствие: оставления сотрудниками своих постов; отпуская осуждённых на ночлег домой под их «честное слово»; выведения на внешние работы заключённых, осуждённых со строгой изоляцией, чего нельзя было делать категорически. Начальник ДОПР получил «строгий выговор», на остальных был наложен административный арест при милиции [1, л. 20]. Вскоре была выявлена попытка побега в Херсонском ДОПР, после чего начальник Одесского управления издал приказ № 32 от 09.03.1923 г., которым под личную ответственность начальников ДОПР обязал проводить обязательную проверку не меньше 1 раза в сутки всех стен, полов, решёток всех камер [1, л. 21]. В июне в Херсонском ДОПР

содержался 371 человек (164 подследственных, 206 осуждённых, 1 пересыльный). Приказом начальника Одесского ГубУМЛС № 18 от 01.06.1923 г. на основании постановления старшего следователя Одесского губернского суда об отстранении от должности уволили начальника Херсонского ДОПР Токарева [1, л. 54]. О состоянии законности режима в нём интересный материал дают дисциплинарные взыскания, которые накладывались как на содержащихся лиц, так и на персонал. Так вот, в июне на заключённых было наложено 4 дисциплинарных взыскания (за грубое и дерзкое обращение к администрации и надзирателю – помещение в карцер на 3 суток; побег из ДОПР – помещение в карцер на 7 суток; побег с внешних работ – помещение в карцер на 7 суток). В том же месяце на персонал было наложено 8 дисциплинарных взысканий (за неумение держать себя с заключёнными – «строгий выговор»; за халатное отношение к службе – «строгий выговор» или 7 суток ареста с исполнением служебных обязанностей). В июле на персонал наложили 4 дисциплинарных взыскания (за грубое отношение к заключённым, посетителям – «строгий выговор»). В августе – 7 (за отказ заступить на пост – арест на 3 суток с содержанием при милиции; за вступление в пререкание с дежурным помощником – «строгий выговор») [1, л. 149]. Выплата жалования сотрудникам в конце месяца осуществлялась по индексу без учёта за месяц уровня инфляции [1, л. 169]. В конце декабря надзирательница Херсонского ДОПР была уволена за грубое отношение к заключённым и администрации [1, л. 139].

Приказ начальника Одесского ГубУЦИТО № 14 от 06.02.1923 г. был посвящён чрезвычайному происшествию, которое 04.02.1923 г. произошло в Одесском ДОПР: совершил побег осуждённый со строгой изоляцией Прокопец. Это произошло во время спектакля, который начался в ДОПР в позднее время. Свою негативную роль сыграли: недостаточное количество постов возле выходов, захлапленность хозяйственного двора (кровати, тачки, трубы и так далее). Виновным должностным лицам был объявлен «выговор» с предупреждением, что в случае повторения подобного они будут отда-

ны под суд [1, л. 10]. Имели место и такие нарушения: дежурный помощник начальника Одесского ДОПР Доброшинский Евгений явился на службу в состоянии алкогольного опьянения, за что в духе революционного времени был подвергнут аресту на 5 суток без исполнения служебных обязанностей с содержанием под стражей на гауптвахте. В случае повторения подобного в будущем ему грозил суд согласно ст. 108 Уголовного Кодекса УССР. Вскоре 3 младших надзирателей Одесского ДОПР были арестованы на 3 суток с исполнением служебных обязанностей за халатность – из внешних работ убежал осуждённый Масля Иван, которого выпустил уже упоминавшийся Доброшинский, хотя было письменное распоряжение начальника ДОПР не выводить заключённого как склонного к побегу. Осуждённого поймали, а Доброшинского, которому грозило отдание под суд, понизили в занимаемой должности. В губернскую распределительную комиссию (далее – ГРК) запросили личное дело осуждённого для наложения на него дисциплинарного взыскания в соответствии с § 13 «Инструкции по организации работы ГРК» [1, л. 12]. Вскоре Доброшинский за невыход на службу был уволен [1, л. 12]. Другим приказом начальника Одесского ГубУМЛС № 37 от 22.03.1923 г. младшему помощнику начальника Одесского ДОПР – заведующему канцелярией – был объявлен «выговор» за невнимательную подготовку справки о судимости осуждённого, связанную с этим волокиту и задержку на 1,5 месяца рассмотрения вопроса об условно-досрочном освобождении осуждённого. Приказ начальника управления № 39 от 24.03.1923 г. накладывал административный арест сроком на 3 суток с исполнением служебных обязанностей на младшего надзирателя за халатное исполнение своих обязанностей, вследствие чего было допущено антисанитарное состояние 2-х камер. Достаточно часто просто увольняли сотрудников за совершенные ими уголовных преступлений (в частности, краж) [1, л. 28]. Приказом № 42 от 30.03.1923 г. объявлялся «выговор» начальнику Одесского ДОПР Бирину за то, что доложил о пожаре в ДОПР только после его ликвидации, а не сразу после его возникновения. Би-

рин вскоре уволился и выехал к себе на Родину в Латвию. Начальник ГУМЛС НКВД УССР Люткевич лично интересовался причинами ухода Бирина и возможностью его использования в другой губернии (кстати, уволенных иногда возобновляли на должностях через прошения и поручительства) [1, л. 32]. В мае 3 сотрудников Одесского ДОПР предупредили попытку побега (путём пролома смежной стены) 2 приговорённых к расстрелу – Костенича и Михалка. Этим сотрудникам была объявлена «благодарность» с поощрением в виде полумесячного оклада [1, л. 59]. Приказом по управлению № 19 от 02.06.1923 г. Был уволен младший надзиратель Одесского ДОПР за дачу неправдивых ведомостей в анкете, а дело было решено направить губернскому прокурору. Распространённым было явление, когда сотрудники не возвращались с отпусков, и их тогда просто увольняли [1, л. 54]. Другим приказом по управлению № 25 от 13.06.1923 г. Был уволен младший надзиратель реформаториума Кравцов и автоматически снят с материального обеспечения за принуждение питомца Иванова к продаже ему личных вещей последнего [1, л. 68]. Приказом № 54 от 31.07.1923 г. за недопущение 2-х побегов важных преступников младшего надзирателя Одесского ДОПР Каппо Георгия повысили в должности. Другого младшего надзирателя того же ДОПР за передачу писем подследственным уволили, а дело было направлено в губернскую прокуратуру. 17.07.1923 г. был оглашён приговор Одесского губернского суда относительно 3-х надзирателей Одесского ДОПР, вследствие халатности которых 02.03.1923 г. убежало 2 преступника. Сотрудники были осуждены до 3 л. лишения свободы со строгой изоляцией и с поражением всех прав на 3 года после отбытия наказания [1, л. 79]. Как видим, при отсутствии действительно постоянного материального стимула добросовестно относиться к выполнению своих служебных обязанностей власть активно использовала метод «кнута», который очень часто не действовал. Приказом № 63 от 14.08.1923 г. инструктор слесарно-механической мастерской Одесского ДОПР Скибицкий Ф. был уволен за незаконное получение и присвоение обмундирования осуждённого [1, л. 101]. Другой приказ

№ 74 от 28.08.1923 г. констатировал: в Одесском ДОПР случайно выявлен глубокий подкоп за 1 день до массового побега (подкоп вёлся из погреба посреди двора ДОПР в оживлённом месте) [1, л. 90]. Приказ № 83 от 10.09.1923 г. был посвящён другой халатности персонала Одесского ДОПР: освободили совсем не того осуждённого (необходимо было Котовского Александра, а освободили Котовского Алексея). Виновных должностных лиц арестовали на сутки с исполнением служебных обязанностей [1, л. 106]. Приказ № 136 от 19.12.1923 г. был посвящён трагическому происшествию: погиб на посту охранник конвойной команды Одесского ДОПР от пули осуждённого, который убежал [1, л. 120]. Указывалось, что только Елизаветградский, Ананьевский, частично Балтский ДОПР внимательно относились к потребностям конвойных команд [1, л. 122].

Выводы. В уголовно-исполнительной политике большевиков в 1923 г. в УССР преобладали административно-командные, репрессивные методы без кардинального улучшения материального обеспечения сотрудников и потребностей системы, реального поднятия престижа службы, что не позволило власти действительно изменить ситуацию к лучшему в исследуемом вопросе.

Список использованной литературы:

1. Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (далее – ЦГАВОВУ Украины). – Ф. 5. – Оп. 1. – Д. 2324.
2. ЦГАВОВУ Украины. – Ф. 5. – Оп. 1. – Д. 2307.
3. ЦГАВОВУ Украины. – Ф. 5. – Оп. 1. – Д. 2338.